

НАТАЛЬЯ ШАТИХИНА

ПРАВО НАЛЕВО

ШАТИХИНА — ЭТО ВЫСШАЯ ЛИГА. ЕСЛИ ПОПАЛ ПОД ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КАТОК, ТО НИЧЕГО ТЕБЯ УЖЕ НЕ СПАСЕТ. ВЫВЕРЕННЫЕ И УБОЙНЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ. ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА В ПРОЗЕ. ХОРОШО, ЧТО КНИГА ПРО ПРАВО, А НЕ ПРО МЕНЯ. ВЫДОХНУЛ.

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

Наталья Сергеевна Шатихина
Право налево
Серия «Одобрено
Рунетом. Подарочное»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70163530

Право налево / Наталья Шатихина: АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-160235-2

Аннотация

«Право налево» – атлас юриспруденции от одного из самых известных в России юристов – Натальи Шатихиной, адвоката, лектора и автора множества публикаций и научных работ. Настоящую славу ей принес уникальный дар – рассказывать легко о сложном. О скучном – интересно. О деликатном – жестко. О спорном – дерзко. О грустном – с юмором. О глупости – остро. О праве – емко и хлестко.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия...	7
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Шатихина

Право налево

Книга издана в авторской редакции

Издательство
АСТ

© Наталья Шатихина, текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Вместо предисловия...

...или, как говорят юристы, преамбулы. Приготовьтесь, сейчас вас ждет не вдохновенный рассказ об удивительном событии, толкнувшем меня на написание этой (вот я уже мысленно морщусь) книги, а не самая веселая часть нашего повествования, поскольку связана она с моим опытом.

Много лет назад, когда я прокладывала свой профессиональный путь среди рейдерских войн и кровавых сражений за различные активы, продвигаясь к той позиции, которую удалось достичь сейчас, мужчина, бывший со мной рядом, который, как предполагалось, будет поддерживать мой хрупкий внутренний мир, любил в присутствии других потрепать меня снисходительно по щеке и сообщить всем собравшимся, хихикающим над моей очередной рассказкой: «Я всегда говорю, Наташе надо книжки писать». «А не изображать из себя крутого юриста всем на потеху», – неизменно добавлял он, оставшись со мной наедине, с брезгливым выражением лица.

Разумеется, любое упоминание о написании книги приводило меня в ярость, потому что полная загрузка в университете, а вдобавок к ней практика, не снимавшие с меня обязанности по дому и уходу за ребенком, не оставляли ни времени, ни сил не то что на написание книг, но даже на передышку. Упал – вытянул ноги – будильник – отклеил слюни

от подушки – встал – побежал дальше.

К тому времени как я доказала себе, что не только могу неплохо рассказывать, но и юрист не последний, так что некоторым можно уже и заткнуться, внутри почему-то сформировалось стойкое убеждение, что книжки писать могут только пенсионеры и лузеры. И вообще, наваять книжку равно расписаться в собственной профнепригодности.

Надо сказать, мы, юристы, страшные графоманы. Вы даже не представляете, сколько весьма уважаемых правоведов разных возрастов пишут о таких вещах, о которых Кирилл и Мефодий даже мечтать не могли. Я за коллег рада, но, как говорится, однажды посеянное ядовитое зерно сомнения даст невероятно стойкие ростки.

И тем не менее то, что вы держите сейчас в руках, несомненно, книга.

Дело в том, что я очень люблю право в самом широком смысле этого слова. А еще обожаю про него рассказывать так, чтобы было интересно разным людям. В принципе, это и называется «писать книжки». Мне легче устно, как Ираклию Адроникову, но могу и письменно, почему нет. И хотя от мысли, что момент выхода книжки неизбежно настанет, а люди (два-три человека, у которых мне удастся отобрать паспорта) ее прочтут, мне становится слегка дурно, я приняла обязательство с этим бороться.

Что же ждет вас в недрах? Я решила не ставить сверхзадач, а ограничиться легкими очерками с объяснениями

некоторых феноменов общественной жизни. Живописать же запланировала тем языком, которым обычно рассказываю, только без обценной лексики. Мне сказали, это обязательно, если хочешь все-таки увидеть выход своего произведения, не рискуя оказаться в изоляторе временного содержания. Беглый анализ нашего законодательства показал, что материться в книжках живым авторам можно только устами своего лирического героя либо издающим публицистику на темы не дальше садоводства. Грубая проза жизни применительно к общественно-политической тематике ставит тебя в весьма незавидное положение. А оно нам зачем?

С детства одной из моих самых любимых книг остается «Всеобщая история, обработанная „Сатириконом“». Мне хотелось бы написать нечто похожее, пусть и менее лаконичное. Занесем это в недостижимые идеалы, к которым обязуюсь стремиться.

И под конец не могу не упомянуть двух замечательных людей, к сожалению, уже покойных, моих коллег по кафедре и великолепных профессионалов.

Во-первых, это совершенно несерьезное повествование посвящено памяти моего любимого Учителя, потрясающего рассказчика, эрудита, человека невероятной скромности и такой же внутренней интеллигентности, добрее которого я в жизни не встречала, – профессора Вадима Семеновича Прохорова. Вадим Семенович был не только деканом все пять лет, что мы грызли осыпающийся несвежей крошкой гра-

нит науки в 90-е годы, но и моим научным руководителем. У него был божественный дар простым языком, не прячась за ложной наукообразностью, объяснять самые сложные вещи. Надеюсь, мне хоть немножко удастся что-то подобное. С присущим ему юмором на любые предложения написать что-то, кроме самого необходимого, он отмахивался: «Можешь не писать – не пиши!» Дорогой Вадим Семенович, получается, я больше не могу не писать. Значит, момент настал, да?

Второе посвящение я обязана сделать еще одному профессору нашей кафедры, тоже добрейшему, скромнейшему и интеллигентнейшему человеку – Владимиру Ивановичу Полуднякову, судье в отставке, бывшему председателю Санкт-Петербургского городского суда. Владимир Иванович дольше всех был председателем суда региона в нашей стране. Как ему, специалисту по уголовному праву, удалось сохранить такое человеколюбие и гуманизм, я не знаю. Владимир Иванович был страстным писателем. Он создал несколько детективов, основанных на делах, которые попадали в поле его зрения. Полудняков писал статьи и публицистические очерки, был членом Союза писателей и всегда легко и с удовольствием дарил всем на кафедре свои книжки или журналы со статьями. Если ему случалось увидеть меня по телевизору, он непременно подходил на кафедре и со своей слегка застенчивой улыбкой говорил какие-то приятные вещи о моем выступлении, очень подробно разбирал сильные и слабые стороны аргументов, крайне деликатно, если считал

нужным, подсказывал, как можно было сказать это проще, чтобы рядовой человек понял и услышал. Владимир Иванович всегда говорил, что мне надо писать, но от него это звучало ободряюще и вдохновляюще. «Пишите, вас люди слышат, а это такая редкость!»

Дорогой Владимир Иванович! Мне бы вашу легкость и ту простоту, с которой вы дарили свои слова миру. Но я пробую, честно!

Глава 1

Откуда взялось право?

В принципе,душный доцент внутри меня требует сначала определиться, что это вообще такое – право. Но тогда мы рискуем застрять страниц на триста мелким шрифтом и потерять того единственного читателя, который заглянет в текст в поисках интересных картинок или припрятанных от не в меру притких членов семьи пяти тысяч рублей.

Поэтому вам полагается принять на веру несколько базовых позиций.

Во-первых, право – это система общеобязательных правил поведения в обществе. Правил, которые поддерживаются государством, – добавлю я робко, ибо так считают только гнилые сторонники позитивистского подхода, а нет хуже оскорбления для образованного правоведа, чем прослыть позитивистом, но вам так будет проще. Разговор о том, может ли право существовать без государства, способен заставить благообразных докторов наук кататься по полу в попытке удавить оппонента его же етольнинским галстуком.

Во-вторых, право рождается и живет в обществе как результат коммуникации бесконечного множества индивидов. И поэтому оно не равно закону. Закон, отрицающий базовые нормы, легко будет неправовым. Помните, как у сомнитель-

ного по нынешним временам Винни-Пуха горшочек из-под меда вмещал в себя не то, что было на этикетке, а только сдутые резиновые изделия какого-то осла. Здесь хочу оговориться, что произведение, которое вы держите в руках, является абсолютным вымыслом, содержащиеся в нем гиперболы и аллегории носят характер литературного приема и не дают каких-либо оценок отдельным элементам российской правовой действительности.

Расправившись таким незатейливым способом с крупнейшей проблемой, занимавшей лучшие умы человечества со времен античности, мы с вами полькой-бабочкой поскачем прямо к вопросу об истории возникновения права. Нечего нам расслаживаться.

Правом, как и многим другим явлениям в нашей жизни, мы обязаны рано полысевшим обезьянам. Многие и по сей день умудряются быть им обязанными всем – от автомобиля до сумочки, но следует признать, такая стратегия выживания подсказана им эволюцией, а что естественно, то не безобразно. Антропологи рассказывают о перипетиях когнитивной революции гораздо поэтичнее, но факт остается фактом – в одну-две прекрасные тысячи лет определенная часть Номо вдруг решила поговорить за жизнь и выработала за следующие десять тысяч лет не только сносную и разнообразную систему знаков, позволившую им быстрее всех передавать информацию и накапливать опыт, но и придумала абстракции в виде высших сил, правил и нецензурной лексики. Это

стоило им последних остатков шерсти, нарастило лоб и сподвигло ходить прямо, а затем заставило то ли сначала надругаться, а следом истребить, то ли сначала истребить, а затем... (ну, вы поняли) в округе всех остальных homo, которые не успевали поделиться с товарищами, какие же твари эти сапиенсы.

Таким образом, мы получили очень агрессивного мышленного предка с непонятной никому тягой расписывать стены своих пещер сценами из собственной жизни, пользуясь подручными средствами натурального происхождения, разнившись в зависимости от того, удалось ли художнику встретиться в пещере с одноименным медведем или нет.

Зачем же на фоне окружавшей его «роскоши» нашему предку потребовалось право? Этот аналог популярного сейчас вопроса: «На кой мне ваш закон? Вы мне скажите, как мою схему оформить?» – к истории имеет прямое отношение.

Пока наши предки были охотниками и собирателями, право им не требовалось в принципе. Жизнь подчинялась целому ряду установок и ритуалов. Из черепа нарушителя рукастые члены семьи могли смастерить красивую чашку, но это укладывалось в рамки привычных нам семейных отношений, с поправкой на то, что сегодня наличие красивого сервиза в серванте не означает, что с родственниками вам не повезло. Однако пытливый ум и природная любознательность Homo sapiens не давали ему смириться с ситуацией,

когда приходилось тратить тысячу килокалорий, чтобы добыть еще одну тысячу, а выпавшее бинго в тысячу двести побуждало срочно приступить к размножению. Колесо Сансары того времени состояло в том, что человек постоянно находился в поиске белка, хотя его самого другие обитатели лесов и саванн также рассматривали как двуногий шашлык. Это положение заставило искать белок, который не пытался бы перманентно сожрать самого добытчика. Таковой обнаружился в реках в виде рыбы и животных, вынужденных приходить на водопой. Обилие пресной воды и наличие еды подсказали нашим с вами предкам идею осесть и жить кучно в поймах рек. Люди быстро смекнули, что для безопасности, чтобы оградить себя от диких животных и не менее диких товарищей по виду, хорошо бы возвести частокол повыше, да еще и гостеприимно заточенный поострее. Жизнь проходила внутри этого «монплезира», а охота и собирательство – за его пределами. Главным знаком безопасности стал горящий внутри поселения костер. Запомните эту мысль. Она нам пригодится для разговора о безопасной городской среде.

И тут *Homo sapiens* ждало еще одно потрясающее открытие – некоторые злаки прорастали при разливах рек и давали пригодные в пищу растения. Так, четыре главных злака – пшеница, ячмень, рис и кукуруза – приручили человека, хотя мы думаем, что было наоборот. Секреты обработки своих новых друзей человек раскрыл очень быстро, что привело к экспонентному росту численности сапиенсов. Оседлый

образ обитания ухудшил жизнь многих индивидов, но обеспечил повышение выживаемости вида в целом. Так, перед людьми впервые появилась такая приятная проблема запасов.

Поскольку общины стремительно разрастались, стало важным отделять свое от чужого, решать вопросы с нарушителями, а также укреплять статус наследников и межевать земли. Достаточно быстро стало понятно, что самоуправление и самосуд с вызовами нового времени не справляются, это надо поручить «специально обученным людям». Впервые человек узнал, что бывает государственный аппарат на содержании всех членов общины. Так начали формироваться государство и право.

Глава 2

Про правовое яйцо и государственную курицу

Известный спор о первичности одного из этих объектов (или более схоластический – о наличии у Адама с Евой пупков) представлен в праве как борьба естественников и позитивистов. Первые считают, что право появилось и способно существовать само по себе, а вторые полагают, что правовой норму делает только санкция государства. Нельзя занять одну из этих позиций категорично без риска огрести от оппонентов, правды там не найдешь, поэтому предлагаю в эту дискуссию не углубляться.

Исторический факт состоит в том, что правила регулирования отношений в обществе сложились до появления государства, но характер правовых они получили только тогда, когда сформировались первые государства с их территориями, аппаратом (органами власти) и машиной принуждения.

Ну, потому, что без оных, ты как родитель пятнадцатилетнего двухметрового детины со своими правилами. Орешь дурниной, а толку?

Считается, что с момента перехода к рабовладельческому строю можно говорить о полном формировании правовой системы. Советская наука повествует нам о классовой при-

роде всего народившегося, что сегодня, естественно, с остервенением отрицается. И тем не менее в Древнем Риме убийство раба ради развлечения расценивалось как не слишком значительное правонарушение, а то же действие с целью причинения ущерба его хозяину рассматривалось как серьезное преступление. Как и Евгений Онегин, римляне были великими экономами и четко понимали, что простой продукт сам себя не выработает.

Разумеется, уже в первых государствах возникала та самая теснейшая взаимосвязь между госаппаратом, обеспечивавшим действие правовых норм, которые он же и закреплял в разных формах, и нормами права. Как следствие, в своем стремлении сохранить *status quo*, тело права служилый люд делал наиболее выгодным для себя. Как ни крути, а Маркс был прав, говоря о классовой природе всего этого безобразия. Аппарат представлял собой класс имущих, владеющих средствами производства, он же пытался формировать право на свой лад. Представители других классов платили ему подать и взаимностью, время от времени устраивая военные мятежи или восстания рабов.

Спустя много тысячелетий из этого вырастет и другая концепция, давшая старт всей правовой философии XX века, – идея монополии государства на насилие. Лев Троцкий мудро заметил: «Всякое государство основано на насилии», – а впоследствии получил возможность убедиться в этом лично. Педантичный Макс Вебер сделал из этого лозун-

га крупнейшую концепцию новейшего времени: он утверждал, что государство не обладает никакими уникальными целями, а вот уникальные средства имеет. Ими являются армия, полиция и тюрьмы. Если государство утрачивает над ними контроль, ему наступает, скажем поэтичным языком автора, мгновенный капут.

Государство получает свой суверенитет от народа. По Джону Локку, этому нежному родителю всего западного просвещенного мира, мы, народ, нанимаем государство причинить нам благо и помочь в решении некоторых тактически значимых задач, например, бороться с чумой или захватить соседнюю территорию. Оно нам мягко содействует по мере своих сил, иногда посредством членовредительских казней. А как без них с непонятливыми?! Дабы содействие удавалось, надо чтобы оно, переодевшись в собирателя податей или фольклора, переходило по дворам и тихонечко подсматривало за неблагонадежными гражданами и сложившимися правовыми обычаями. И те, и другие впоследствии очень эффектно смотрятся прибитыми на рыночной площади. Как сказали бы знавшие в этом толк римляне, *de lege lata vs. de lege ferenda*¹.

¹ С точки зрения действующего закона vs. С точки зрения желательного закона (*лат.*).

Глава 3

Про преступления

Нетрудно догадаться, что первой же мыслью наших предков, въехавших «на постоянку» с котулями в государство, стала борьба с нарушителями. Собственно, идея их не покидала никогда, и до формирования государства разборки между отдельными членами общины, конечно, случались, однако решались по принципу «милые бранятся – только тешатся», поэтому шалунов могли чисто по-семейному наставнически забить, иногда употребив после этого в пищу, или изгнать, обрекая их становиться жертвой непогоды, голода и болезней, а если повезет, кормом для местных хищников, у которых шерсть от хорошего питания становилась лучше и шелковистее. Опять-таки, общине в сезон охоты только польза.

С развитием общества люди создали себе всяческие религиозные культы, а значит, появились и кровавейшие жертвоприношения, потому что человек же не зря развивал себе богатый внутренний мир и невероятную фантазию. Первопреступники и всякие там веронарушители пускались в расход во вторую почетную очередь, сразу же за младенцами и девственницами, то есть тоже заканчивали свой век не без пользы для сородичей.

С появлением государства картина меняется. Общество завело на свои честно заработанные налоги и сборы государственный аппарат, а он без дела стоять не может. Конечно, аппарат главным образом был занят внешними угрозами и пополнением штата рабов, которые очень быстро амортизировались, поскольку кормить их получалось не всегда. Но с началом нового оседлого и классового образа жизни возникли запасы, границы наделов, торговля, да те же самые налоги и сборы. Плюс, по-прежнему, на каждый церковный праздник девственниц не напасешься. И тогда люди стали замечать, что не все проступки одинаково страшны.

Например, прирезанного соседа можно компенсировать его семье деньгами или отдав мужчину из рода обидчиков. А в темноте (то есть ровно половину суток) они все одинаковые на ощупь. Тонко скорбеть тогда еще не научились. За выбитый глаз можно было по свежееобретенному принципу талиона выколоть обидчику его око. И на душе становится тепло и радостно, когда ты пусть и одним глазом, но видишь такую линейную справедливость. Сходите почитайте дискуссии в соцсетях. Там до сих пор эту логику поддерживает существенная часть граждан.

Обратило на себя внимание и то неприятное обстоятельство, что воспитывать чужого наследника в отсутствие возможности подтвердить отцовство не очень приятно. Да и дьявольский план соседа может состоять в том, чтобы у тебя наследник был от него.

Мало того, выяснилось, что браки между близкими родственниками до добра не доводят никогда, а чистоту линий надо контролировать. Так появились вопросы и к невественницам. Оказалось, женская супружеская измена страшнее лютого ворога.

С рабами этими тоже выходило неловко. С одной стороны, вещь не сложнее табуретки, а с другой – средство производства. Поэтому, как уже упоминалось, во времена оные убийство раба ради развлечения рассматривалось как мелкая провинность плюс компенсация деньгами, а душегубство того же раба из желания причинить убытки было тяжким преступлением.

Человечество завело себе идею об общественной опасности деяний человека, различающейся по степени (количественно) и характеру (качественно). Как некоторые уже смогли заметить, первоначально уголовное право относилось к частным отраслям, то есть граждане приходили со своими жалобами в суд, который разбирал их распри между собой. Только много позже из всей массы стали выделяться преступления против самого государства как те, что требуют суда и процедуры. До этого на протяжении веков ничего такого не подразумевалось. Народ был понятливый и не склонный к излишествам. Камень к ногам привязал да в воду скинул, или со скалы, или топором рубанул, или живым закопал. Какое настроение у тебя.

Кстати, слово «уголовный» в русском языке происходит

от понятия «головничество», обозначающее не только само душегубство, но и штраф, который преступник выплачивал за убитого его семье. Человек, как я уже сказала, тогда был страшно прагматичен, потому что жизнь была суровой. Покойного уже не вернешь, а как тебе поможет еще один труп его обидчика? Гораздо удобнее взять деньгами.

И только римское право привнесло в название отрасли два понятия: *crimen* (преступление) и *poena* (наказание). С тех пор все страны, позаимствовавшие римское уголовное право, определяют его через один из этих корней. Для кого что значимее.

Христианство внесло в понимание преступления свою лепту. Преступление, разумеется, считалось тяжким грехом, что сильно разнообразило виды наказаний за оное, потому что в темные века общество таким образом сражалось не с собственными проблемами, а с дьяволом и его приспешниками. Лишь в эпоху Просвещения и последовавших за ней буржуазных революций человечество сформулировало категорию общественной опасности как мерила, ограничивающего законодателя в части отделения преступного от не преступного. А заодно и позаботилось о фундаментальных правах для тех, кто членом общества быть не перестает несмотря на содеянное. И хотя до нынешних высот гуманистического подхода было еще далеко, фундамент был уже заложен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.